

МУЗЕЕВЕДЕНИЕ И ОХРАНА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

RAR

УДК 930

ББК 63.3

DOI 10.34685/HI.2023.41.2.008

СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП В ПРАКТИКЕ АТРИБУЦИИ ДРЕВНЕРУССКОЙ МЕБЕЛИ

Углева Наталья Владимировна,

кандидат исторических наук,

старший научный сотрудник отдела дерева и мебели

Государственного исторического музея,

Красная пл., ½, г. Москва, Россия, 109012,

e-mail: uglevan@ya.ru

Аннотация

На современном этапе исследование наследия в области древнерусской мебели требует нового подхода. Основная ошибка в атрибуции артефактов заключалась в том, что предметы мебели не рассматривались как объект искусства. Именно поэтому они не соотносились с контекстом развития стилей в европейской культуре. Для корректировки уже сложившихся атрибуций необходимо применить метод описания и анализа для того, чтобы «встроить» сохранившиеся в музеях памятники в линию развития европейских стилей, подтвердить или опровергнуть имеющиеся датировки.

Ключевые слова

Древнерусская мебель, атрибуция, артефакт, стиль, сохранность, конструктивные особенности, З. П. Попова.

На современном этапе исследование наследия в области истории отечественного производства мебели продолжает свое развитие. Вводятся в научный оборот каталоги коллекций, сведения о мастерах и отдельных памятниках. Однако информация о допетровском периоде до сих пор основана на данных, выработанных и зафиксированных в музейной

практике в XX в. Исключение составляют диссертация и монография Н. Н. Гончаровой¹, в которых опубликованы новые атрибуции сунду-

1 Н.Н. Гончарова. Северные расписные сундуки XVII–XVIII вв. из коллекции Государственного исторического музея: комплексное музееведческое исследование. дис. ... кандидата историч. наук. М., 2016; Русские рас-

ков и нескольких объектов мебели, в том числе, XVI — XVII вв.

Автор настоящей статьи более 40 лет является хранителем коллекции мебели Исторического музея, планомерно занимается ее систематизацией и анализом состава. Несколько лет назад экспертной комиссией Министерства Культуры РФ по пополнению Музейного фонда страны было инициировано исследование ГИМ предложенного для приобретения стола на четырех токарной работы ножках с раздвижной столешницей. Подобные предметы традиционно датируются концом XVII—началом XVIII вв. Результатом проведенной автором работы стало определение времени создания — конец XIX столетия². Изучение указанного артефакта базировалось на поиске аналогов и привлечении всех сведений, касающихся истории древней мебели. Оценка этой информации, а также результаты указанной экспертизы побудили к вычленению древних памятников из общего состава коллекции ГИМ и переосмыслению уже имеющихся датировок.

Выделенная группа памятников объединила порядка 100 экспонатов. В нее вошли как образцы, время создания которых зафиксировано в инвентарных книгах и относится к XVI — XVII вв., а также сходные с ними по внешнему облику XVIII — XIX вв. Причина объединения столь разновременных материалов объясняется сложившейся практикой датирования, что установлено на основе анализа публикаций. Как правило, время создания мебели соотносилось с периодом жизни его владельца, либо того архитектурного сооружения, где было обнаружено, что, по нашему мнению, не всегда является объективным параметром. Для разъяснения обратимся к анализу принятой в XX веке системы атрибуции древней мебели, а также попытаемся установить, почему наши при определении времени создания конкретных памятников находилось только в диапазоне XVI — XVII вв.

Самым монументальным трудом по истории древней мебели является диссертация З. П. Поповой «Русская мебель XVI—XVII веков»³, в которой наряду с изложением авторской позиции аккумулированы основные сведения по этому вопросу, опубликованные предшественниками. В силу этих обстоятельств исследование З. П. Поповой избрано нами в качестве эталонной работы в этой области знаний для научной дискуссии. В своей работе автор объединила основную часть памятников, прежде датированных XVI—XVII вв. и находящихся в музейных собраниях, разделила их на группы по видам, выявила особенности декора и техники изготовления. Для обоснования ряда положений исследователь привлекла изобразительные, письменные и материальные источники, которые впервые образовали масштабный массив информации, использованный З. П. Поповой для реконструкции истории отечественного мебельного производства в предшествующий период — в XI — XV вв. Анализируя эти данные, исследователь приходит к выводу, что мебель XVI — XVII столетий сохраняет особенности европейских технологий и стилистических решений XII — XIII вв., что наглядно подтверждает изображениями из древних летописных сводов, на монетах и иконах, где запечатлены предметы необычайно схожие с сохранившимися артефактами, объясняя это устойчивостью традиций и желанием русских мастеров сохранять наследие домонгольского периода. Этот тезис является авторским утверждением, который прослеживается в отечественном искусствознании в XX. в, что является обоснованием датировок, введенных в научный оборот в первой трети XX в. и существующих поныне. Однако при анализе текста диссертации возникают постоянные противоречия. С одной стороны, З. П. Попова утверждает, что «изготовление мебели на Руси в домонгольский период находилось на уровне мебельного мастерства европейских стран XII — XIII столетий»⁴;

писные сундуки XVII—XVIII веков в собрании Исторического музея. — М.: Исторический музей, 2018. 312 с.

2 Н. В. Углева. Развенчание мифа. Изменение атрибуции дубовых столов из собрания Исторического музея // Проблемы атрибуции памятников декоративно-прикладного искусства XVI – XX веков. Материалы IV научно-практической конференции 20-22 октября 2015 г. М.: ГИМ, 2017. С.149-160.

3 Попова З.П. Русская мебель XVI—XVII веков. Диссертация на соискание ученой степени кандидата искусствоведения. — М, 1973. С. 67.

4 Попова З.П. Русская мебель XVI-XVII веков. Дис... С. 184.

«Стремление к возрождению культурных традиций домонгольской Руси охватывает в конце XIV и XV вв. зодчество, живопись, литературу, фольклор...»⁵;

сохранившиеся образцы XVI — XVII вв. несут характерные «особенности мебели европейского Средневековья XII — XIII столетий»⁶.

С другой — трактует эту информацию как проявление стремления «русского народа хранить в предметах...особенности своего древнего национального быта»⁷ и «Следование древним традициям стало одной из основных особенностей на протяжении последующих столетий. Это и явилось причиной того, что древние формы мебели, их конструктивные и декоративные особенности сохранились на Руси вплоть до конца XVII века»⁸. Таким образом возникает вопрос, почему столь архаичные, по всем параметрам соответствующие старинным изображениям и коррелирующие с памятниками, как минимум, периода готики и Возрождения дошедшие до наших дней артефакты датируются столь поздним временем?

Трудно согласиться с тем, что в период татаро-монгольского нашествия повсеместно и полностью остановилось развитие ремесла; что одна и та же форма мебели в память о наследии прошлого воспроизводилась на протяжении почти половины тысячелетия (и что послужило ее прототипом, если не сохранилось ни одного образца), не взирая на очевидное, изменение стилистических течений, внедрение новых технологий изготовления, международные связи; а более всего с тем, что утрачены всё, созданное до XVI столетия, исходя из мировой практики, ведущей отсчет реально существующего наследия со времен Древнего Египта.

Невозможно отрицать объективные обстоятельства гибели обстановки, что могло быть связано с частыми пожарами, войнами, естественным старением древесины, разрушением в силу значительного возраста и неблагоприят-

ных условий хранения. Кроме того, мебель постепенно «вымывалась» из аристократического и церковного обихода⁹ с изменением европейской моды и с появлением нового, созданного на основе более современных принципов, так, как это происходит и сегодня. Сначала устаревшее домашнее имущество перемещалось из парадных помещений¹⁰ — в жилые, затем использовалось в бытовой зоне, позже складировалось в подсобных помещениях, и, порой, оседало в домах более низких слоев общества. Таким образом оно могло поступать в музейные собрания в качестве материалов экспедиционных сборов, благодаря чему в качестве провенанса фиксировалось происхождение, например, из крестьянского хозяйства.

Следует отметить, что предметы, созданные для аристократии, отличались высоким качеством изготовления, а, значит, могли служить в хозяйстве длительное время. Подтверждением служит хорошая сохранность артефактов XVI — XVII в., сохранившихся в музейных собраниях. Благодаря тому, что изготовлены из массива древесины, они, как правило, имеют незначительные нарушения прочности конструкции, сколы, царапины на поверхности и частичную утрату красочного слоя, в случае ее наличия. Также на ряде экспонатов наблюдаются деструкция и разрывы кожи, использовавшейся для обивки, которая, тем не менее, сохранилась до наших дней. Все это в целом не влияет на цельность восприятия памятников.

Конкретизируя задачу, считаем, что на современном этапе следует внести ясность и дифференцировать к каким столетиям относятся памятники барокко, создававшиеся и в XVI, и в XVII вв., а также определить, к каким эпохам и художественным проявлениям относятся остальные артефакты, до сих пор не причисленные ни к одному из стилей.

5 Цит. Д.С. Лихачева по Попова З.П. Русская мебель XVI—XVII веков. Дис... С. 65.

6 Попова З.П. Русская мебель XVI—XVII веков. Дис... С. 67.

7 Там же.

8 Попова З.П. Русская мебель XVI—XVII веков. Дис... С. 184–185.

9 Важно отметить, что в исследовании рассматривается мебель, существовавшая только в аристократических слоях русского общества или в церковном быту. Предметы народного обихода сохранились до нашего времени лишь с XVIII в.

10 Специальному хранению подвергались только мебель с драгоценным декором, или исторически связанная с важными государственными или церковными персонами.

В современной практике изучения мебели выработался алгоритм исследования и датирования памятников на основании описания и анализа, где первое является неотъемлемой базой, источником второго. Лишь в совокупности, взаимодействии этих категорий достигается объективный результат. Этот метод широко применяется в исследованиях, касающихся эпох, начинающихся правлением царя Алексея Михайловича, т. е. со стиля барокко. И, напротив, как мы видим, полностью проигнорирован учеными, посвятивших труды древнерусскому наследию, ограничив аннотации только описательной составляющей. Можно предположить, что это связано с устаревшим, имевшем широкое распространение, но ставшим сегодня уже неактуальным мнением о появлении в России моды лишь в период правления императора Петра I. Его ошибочность установлена благодаря введению в научный оборот исторических источников, позволяющих уверенно утверждать, что бытовая среда русской аристократии допетровского правления была насыщена импортными товарами, отечественные мастерские активно работали, и в их недрах в русле эстетики зарубежной культуры создавались самые разнообразные предметы. По словам академика РАН А.М. Панченко «средневековая Русь не страдала болезнью национальной замкнутости и национальной исключительности. Древнерусская культура не пребывала в изоляции...»¹¹. Документально это подтверждает, например, архив московской Оружейной палаты с описями царской казны и приходными и расходными книгами денежной казне¹², где содержится множество свидетельств об изготовлении самых различных вариантов обстановки.

Мебель всегда рассматривалась как своеобразный символ социального положения его владельца. Трудно вообразить, что русским мастерам заказывалась одна и та же форма стола или кресла, которые существовали прежде

и повторялись из века в век в неизменном виде даже в период татаро-монгольского ига, в то время, как в богатых княжеских и царских покоех находились привезенные предметы, изготовленные мастерами Византии, европейцами романского, готического времени или эпохи Ренессанса. Изменялись общественно-политическая мысль, экономика, международные связи, соответственно, трансформировалось и представление о жилой среде, свидетельства чего мы находим в истории русской архитектуры.

Показателен в этом смысле пример башни Боголюбского монастыря, изначально построенного в качестве княжеской резиденции князя Андрея Боголюбского. Подвергшийся многочисленным перестройкам, он вызывал споры исследователей об авторстве архитектурных проектов. Раскопки 2015 г.¹³, проводившиеся у основания башни, убедительно доказали, что воздвигнута она была итальянскими зодчими в XII в., проведя аналогию с храмовыми постройками Ломбардии и Эмилии-Романьи¹⁴. Это открытие наглядно демонстрирует, что отечественная архитектура столетиями развивалась в русле европейской культуры. Логично предположить, что так же обстояло дело с мебелью, называемой, «архитектурой малых форм», и использовать памятники зодчества в качестве источника для датирования.

В поиске аналогов эффективен и путь привлечения европейских изобразительных источников, авторы которых фиксировали реальные предметы обстановки при создании, церковных или бытовых сюжетов, а также портретов, при этом непременно делая поправку на национальные особенности. Как пишет Г. Вёльфлин в книге «Основные понятия истории искусств», говоря о живописи, «Применяя все более тонкие приемы, мы можем раскрыть таким же образом связь отдельных частей и целого и найти, наконец определение индивидуальных типов

11 Панченко А. М. Я эмигрировал в Древнюю Русь // Сб. ст. А. М. Панченко. СПб.: Журнал "Звезда", 2008 С. 90.

12 РГАДА. Ф. 396 Оп. 2 Ч. 1. Д. 1–20. Архив Московской Оружейной палаты. Описи царской казны 1584–1725 гг.; РГАДА. Ф. 396 Оп. 2 Ч. 1. Д. 632–678. Архив Московской Оружейной палаты. Приходные и расходные книги денежной казне 1584–1725 гг.

13 Раскопки проводились Институтом археологии РАН, руководитель В. В. Седов.

14 Седов Вл. В. Лестничная башня в Боголюбове (по материалам раскопок 2015 года) // Краткие сообщения института археологии. Вып. 249, ч. 2. — М.: ИА РАН, 2017. С. 131–150.

стиля...» и выявить таким образом «стиль школы, страны...»¹⁵.

При исследовании древних образцов необходимо руководствоваться еще несколькими обстоятельствами. Необычайно важен опыт и, так называемая, «насмотренность», обеспечивающие возможность с первого взгляда выявить искомые памятники среди общего наследия, отягощающим обстоятельством атрибуции которого является отсутствие авторских или владельческих клейм. Кроме того, многие из созданных предметов «проживали» длительный отрезок времени и с изменением моды подстраивались под нее. В корпусной мебели это отражалось на изменении декора (повновение краской, введение позолоты, нанесение росписей, замена фурнитуры) при сохранении конструкции, в мягкой — перебивка не только по причине изношенности, но и в угоду современным веяниям. Все перечисленное крайне затрудняет процесс атрибуции, т.к. непосредственному исследованию памятника предшествует изучение всех наслоений, их мысленное отторжение для определения аутентичного облика.

На пути выявления древних памятников существует еще один важный фактор, который следует учитывать. Его условно можно обозначить как «заказ» или, по словам Вёльфлина, «... историк должен уяснить себе, каким, вообще, выбором располагала эпоха из числа возможных форм»¹⁶. Здесь подразумевается целый комплекс ситуаций, связанных с процессом создания. Мебель всегда утилитарна. Это качество стоит на первом месте, что и обусловило ее появление среди других бытовых вещей. С течение времени ее ассортимент расширялся, подвергались трансформации видов. Так, сундуки, ставшие своеобразным стартом и предназначенные первоначально для хранения (Илл. 1), использовались в качестве табуретов, столов (Илл. 2), кроватей (Илл. 3) были преобразованы с течением времени в самостоятельные формы, которые проходили сложные пути выработки конструкции, что совершенствуется и в настоящее время. И лишь во вторую оче-

Илл. 1. Сундук. XVII в. ГИМ.

Илл. 2. Стол-сундук. XVI в. ГИМ.

редь значение приобретает декоративное решение. Эта отрасль породила великое разнообразие шедевров, позволивших возвести производство в статус высокого искусства, и стала маркером для определения социальной принадлежности объекта, а также и времени создания. Так как конструктивные особенности не всегда несут достаточный объем информации, именно художественное решение объекта приоткрывает дверь для исследователя, давая возможность поиска датированных аналогов, анализа примененной стилистики. Таким образом, первое, что следует определить при атрибуции памятника, это — его функциональное

15 Генрих Вёльфлин. Основные понятия истории искусств. Проблема эволюции стиля в новом искусстве. — М.: Издательство В. Шевчук, 2017. С. 7.

16 Генрих Вёльфлин. Предисловие к первому изданию // Основные понятия истории искусств... С. VII.

Илл. 3. Сундук. XVII в. ГИМ.

назначение, или, точнее сказать, смысл создания, что непременно будет отражено или поддержано его художественной программой. Именно пересечение этих двух линий позволит аргументированно обосновать и временной отрезок/дату происхождения.

Подводя итог подчеркнем, что, по нашему мнению, для изучения древнерусского наследия необходимо применить метод описания и анализа для того, чтобы «встроить» сохранившиеся в музейных собраниях памятники в линию развития европейских стилей, выявить их особенности и на этом основании подтвердить или опровергнуть имеющиеся датировки. Следуя по этому пути, будет реализовано то, о чем в начале XX века говорил один из основоположников искусствоведения Г. Вёйфлен, что «подлинная работа по истории искусства начинается лишь с момента полного упорядочения наличных памятников»¹⁷. При этом необходимо учесть, что основная ошибка в атрибуции

артефактов, по нашему мнению, заключалась в том, что предметы мебели не рассматривались как объект искусства. Именно поэтому они не соотносились с контекстом развития стилей в европейской и русской культурах, имевших особые характеристики, проявившиеся в архитектуре, изобразительном и декоративно-прикладном искусстве. Этот массив памятников значительно расширяет возможности для поиска сходных элементов и является благодатной почвой для подбора датированных аналогов.

Список литературы

1. Н. Н. Гончарова. Русские расписные сундуки XVII-XVIII веков в собрании Исторического музея. — М.: Исторический музей, 2018.
2. Генрих Вёйфлин. Основные понятия истории искусств. Проблема эволюции стиля в новом искусстве. — М.: Издательство В. Шевчук, 2017.
3. Панченко А. М. Я эмигрировал в Древнюю Русь. СПб.: Журнал "Звезда", 2008.
4. Попова З. П. Русская мебель XVI—XVII веков. Диссертация на соискание ученой степени кандидата искусствоведения. — М, 1973.
5. Седов Вл. В. Лестничная башня в Боголюбове (по материалам раскопок 2015 года) // Краткие сообщения института археологии. Вып. 249, ч. 2. — М.: ИА РАН, 2017. С. 131–150.
6. Н. В. Углева. Развенчание мифа. Изменение атрибуции дубовых столов из собрания Исторического музея // Проблемы атрибуции памятников декоративно-прикладного искусства XVI — XX веков. Материалы IV научно-практической конференции 20–22 октября 2015 г. М.: ГИМ, 2017. С. 149–160.

17 Генрих Вёйфлин. Предисловие к первому изданию // Основные понятия истории искусств... С. VI.

THE MODERN STAGE IN THE PRACTICE OF ATTRIBUTION OF OLD RUSSIAN FURNITURE

Ugleva Natalia Vladimirovna,

Candidate of Sciences in History,
senior researcher of the Department of wood and furniture
State historical museum,
Krasnaya PL., ½, Moscow, Russia, 109012,

Abstract

At the present stage, the study of the heritage of ancient Russian furniture requires a new approach. The main mistake in the attribution of artifacts was that the pieces of furniture were not considered as an object of art. Therefore, they did not correspond to the context of the development of styles in European culture. To correct the already established attributions, it is necessary to apply the method of description and analysis in order to "embed" the artifacts preserved in museums in the line of development of European styles, to confirm or refute the available dating.

Keywords

Ancient Russian furniture, attribution, artifact, style, preservation, design features, Z.P. Popova.